

Василий Осипович Ключевский

Нестор и Сильвестр

*Часть сборника
Исторические портреты*

Василий Осипович Ключевский

Нестор и Сильвестр

Серия «Исторические портреты»

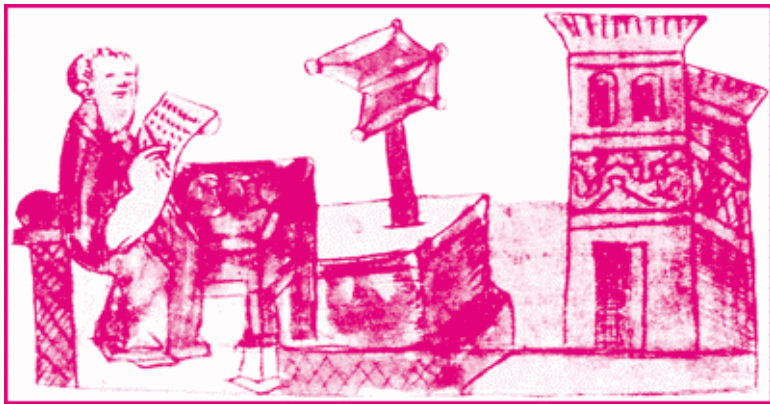
*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176703
Исторические портреты: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28593-8*

Аннотация

«В составном, сводном изложении дошло до нас древнейшее повествование о том, что случилось в нашей земле в IX, X, XI и в начале XII вв. по 1110 г. включительно. Рассказ о событиях этого времени, сохранившийся в старинных летописных сводах, прежде было принято называть Летописью Нестора, а теперь чаще называют Начальной летописью. В библиотеках не спрашивайте Начальной летописи – вас, пожалуй, не поймут и переспросят: «Какой список летописи нужен вам?» Тогда вы, в свою очередь, придете в недоумение. До сих пор не найдено ни одной рукописи, в которой Начальная летопись была бы помещена отдельно в том виде, как она вышла из-под пера древнего составителя. Во всех известных списках она сливается с рассказом ее продолжателей, который в позднейших сводах доходит обыкновенно до конца XVI в...»

Василий Осипович Ключевский

Нестор и Сильвестр

Нестор Летописец.

Из Кенигсбергской летописи

В составном, сводном изложении дошло до нас древнейшее повествование о том, что случилось в нашей земле в IX, X, XI и в начале XII вв. по 1110 г. включительно. Рассказ о событиях этого времени, сохранившийся в старинных летописных сводах, прежде было принято называть Летописью

Нестора, а теперь чаще называют Начальной летописью. В библиотеках не спрашивают Начальной летописи – вас, пожалуй, не поймут и переспросят: «Какой список летописи нужен вам?» Тогда вы, в свою очередь, придете в недоумение. До сих пор не найдено ни одной рукописи, в которой Начальная летопись была бы помещена отдельно в том виде, как она вышла из-под пера древнего составителя. Во всех известных списках она сливается с рассказом ее продолжателей, который в позднейших сводах доходит обыкновенно до конца XVI в.

Если хотите читать Начальную летопись в наиболее древнем ее составе, возьмите Лаврентьевский или Ипатьевский ее список. Лаврентьевский список – самый древний из сохранившихся списков общерусской летописи. Он писан в 1377 г. «худым, недостойным и многогрешным рабом Божиим мнихом Лаврентием для князя Суздальского Дмитрия Константиновича», тестя Дмитрия Донского, и хранился потом в Рождественском монастыре в городе Владимире, на Клязьме. В этом списке за Начальной летописью следуют известия о Южной, Киевской, и о Северной, Суздальской, Руси, прерывающиеся на 1305 г.

Другой список, Ипатьевский, писан в конце XIV или в начале XV столетия и найден в Костромском Ипатьевском монастыре, отчего и получил свое название. Здесь за Начальной летописью следует подробный и превосходный по простоте, живости и драматичности рассказ о событиях в

Русской земле, преимущественно в Южной, Киевской Руси XII в., а с 1201 по 1292 г. идет столь же превосходный и часто поэтический рассказ Волынской летописи о событиях в двух смежных княжествах – Галицком и Волынском.

Преподобный Нестор Летописец.

Рассказ с половины IX столетия до 1110 г. включительно по этим двум спискам и есть древнейший вид, в каком дошла до нас Начальная летопись. Прежде, до половины прошлого столетия, критика этого капитального памятника исходила из предположения, что весь он – цельное произведение одного писателя, и потому сосредоточивала свое внимание на личности летописца и на восстановлении подлинного текста его труда. Но, всматриваясь в памятник ближе, заметили, что он не есть подлинная древняя киевская летопись, а представляет такой же летописный свод, каковы и другие позднейшие, а древняя киевская летопись есть только одна из составных частей этого свода.

Следы древнего летописца. До половины XI в. в Начальной летописи не встречаем следов этого древнего киевского летописца; но во второй половине века он несколько раз выдает себя. Так, под 1065 годом, рассказывая о ребенке-уроде, вытащенном рыбаками из речки Сетомли близ Киева, летописец говорит: «...его же позоровахом до вечера». Был ли он тогда уже иноком Печерского монастыря или бегал мальчиком смотреть на диковину, сказать трудно. Но в конце XI в. он жил в Печерском монастыре. Рассказывая под 1096 годом о набеге половцев на Печерский монастырь, он говорит: «...и придоша на монастырь Печерский, нам сущим по кельям почивающим по заутрени». Далее узнаем, что ле-

тописец был еще жив в 1106 г. В этом году, пишет он, «скончался старец добрый Ян, живший 90 лет, в старости мастиной, жил он по закону Божию, не хуже был первых праведников, от него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи сем». На основании этого можно составить некоторое понятие о начальном киевском летописце. В молодости он жил уже в Киеве, в конце XI и в начале XII в. был, наверное, иноком Печерского монастыря и вел летопись. С половины XII в., даже несколько раньше, и летописный рассказ становится подробнее и теряет легендарный отпечаток, какой лежит на известиях летописи до этого времени.

Кто он был? Кто был этот летописец? Уже в начале XIII столетия существовало предание в Киево-Печерском монастыре, что это был инок того же монастыря Нестор. Об этом Несторе, «иже написа летописец», упоминает в своем послании к архимандриту Акиндину (1224–1231) монах того же монастыря Поликарп, писавший в начале XIII столетия. Историограф Татищев откуда-то знал, что Нестор родился на Белоозере.

Нестор известен в нашей древней письменности, как автор двух повествований, жития преподобного Феодосия и сказания о святых князьях Борисе и Глебе. Сличая эти памятники с соответствующими местами известной нам Начальной летописи, нашли непримиримые противоречия. Например, в летописи есть сказание об основании Печерского монастыря, где повествователь говорит о себе, что его при-

нял в монастырь сам преподобный, а в житии Феодосия биограф замечает, что он, грешный Нестор, был принят в монастырь уже преемником Феодосия, игуменом Стефаном. Эти противоречия между летописью и названными памятниками объясняются тем, что читаемые в летописи сказания о Борисе и Глебе, Печерском монастыре и преподобном Феодосии не принадлежат летописцу. Они вставлены в летопись составителем свода и писаны другими авторами. Первое – монахом XI в. Иаковом. Два последние, помещенные в летописи под 1051 и 1074 гг., вместе с третьим рассказом под 1091 г. о перенесении мощей преподобного Феодосия представляют разорванные части одной цельной повести, написанной постриженником и учеником Феодосиевым, который, как очевидец, знал о Феодосии и монастыре его времени больше Нестора, писавшего по рассказам старших братьев обители. Однако эти разноречия подали повод некоторым ученым сомневаться в принадлежности Начальной летописи Нестору, тем более что за рассказом о событиях 1110 г. в Лаврентьевском списке следует такая неожиданная приписка: «Игумен Силивестр святого Михаила написах книги си летописец, надеясь от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила, в 6624».

Сомневаясь в принадлежности древней киевской летописи Нестору, некоторые исследователи останавливаются на этой приписке как на доказательстве, что начальным киев-

ским летописателем был игумен Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве Сильвестр, прежде живший иноком в Печерском монастыре. Но и это предположение сомнительно. Если древняя киевская летопись оканчивалась 1110 г., а Сильвестр сделал приписку в 1116 г., то почему он пропустил промежуточные годы, не записавши совершившихся в них событий, или почему сделал приписку не одновременно с окончанием летописи, а пять-шесть лет спустя? С другой стороны, в XIV–XV вв. в нашей письменности, по-видимому, отличали начального киевского летописателя от Сильвестра, как его продолжателя. В одном из поздних сводов, Никоновском, после сенсационного рассказа о несчастном для русских нашествии ордынского князя Едигея в 1409 г., современник-летописец делает такое замечание: «Я написал это не в досаду кому-нибудь, а по примеру начального летословца киевского, который, не обинуясь, рассказывает вся временна бытства земская (все события, совершившиеся в нашей земле. – В.К.)»; да и наши первые властодержцы без гнева позволяли описывать все доброе и недоброе, случавшееся на Руси, как при Владимире Мономахе, не украшая, описывал оный великий Сильвестр Выдубицкий. Значит, Сильвестр не считался в начале XV в. начальным летословцем киевским.

Разбирая состав Начальной летописи, мы, кажется, можем угадать отношение к ней этого Сильвестра. Эта летопись есть сборник очень разнообразного исторического материала

ла, нечто вроде исторической хрестоматии. В ней соединены и отдельные краткие погодные записи, и пространные рассказы об отдельных событиях, писанные разными авторами, и дипломатические документы, например договоры Руси с греками X в. или послание Мономаха к Олегу Черниговскому 1098 г., спутанное с его же «Поучением к детям» (под 1096 г.), и даже произведения духовных пастырей, например «Поучение Феодосия Печерского». В основание свода легли как главные его составные части три особые цельные повествования.

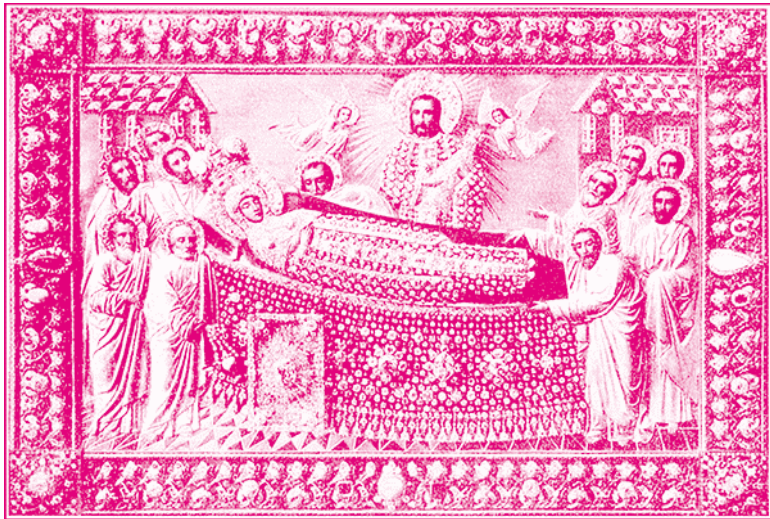
Теперь можно объяснить отношение этого Сильвестра и к Начальной летописи, и к летописцу Нестору. Так называемая Начальная летопись, читаемая нами по Лаврентьевскому и родственным ему спискам, есть летописный свод, а не подлинная летопись киево-печерского инокa. Эта Киево-Печерская летопись не дошла до нас в подлинном виде, а, частью сокращенная, частью дополненная вставками, вошла в начальный летописный свод как его последняя и главная часть. Значит, нельзя сказать ни того, что Сильвестр был начальным киевским летописцем, ни того, что Нестор составил читаемую нами древнейшую летопись, т. е. начальный летописный свод. Нестор был составителем древнейшей киевской летописи, не дошедшей до нас в подлинном виде, а Сильвестр – составителем начального летописного свода, который не есть древнейшая киевская летопись. Он был и редактором вошедших в состав свода устных народных преданий

и письменных повествований, в том числе и самой Нестеровой летописи.

Исторические воззрения летописца. Этот исторический взгляд так сросся с настроением, со всем духовным складом летописца, что его можно назвать летописным, хотя его разделяли люди одинакового с летописцем настроения или мышления, не принимавшие никакого участия в летописном деле. Этот взгляд имеет большое значение в историографии, потому что пережил летописание и долго управлял мышлением ученых-историков. Они долго продолжали смотреть на явления человеческой жизни глазами летописца, даже когда покинули летописные приемы их обработки и изложения. Потому, кажется мне, этот взгляд заслуживает нашего внимания. Научная задача историка, как ее теперь понимают, состоит в уяснении происхождения и развития человеческих обществ. Летописца гораздо более занимает сам человек, его земная и особенно загробная жизнь. Его мысль обращена не к начальным, а к конечным причинам существующего и бывающего. Историк-прагматик изучает генезис и механизм людского общежития; летописец ищет в событиях нравственного смысла и практических уроков для жизни; предметы его внимания – историческая телеология и житейская мораль. На мировые события он смотрит самоуверенным взглядом мыслителя, для которого механика общежития не составляет загадки: ему ясны силы и пружины, движущие людскую жизнь.

Два мира противостоят и борются друг с другом, чтобы доставить торжество своим непримиримым началам добра и зла. Борцами являются ангелы и бесы. У дня и ночи, света и мрака, снега и града, весны, лета, осени и зимы есть свой ангел; ко всему, ко всем творениям приставлены ангелы. Так и ко всякому человеку, всякой земле, даже языческой, приставлены ангелы охранять их от зла, помогать им против лукавого. И у противной стороны есть сильные средства и способы действия: это – бесовские козни и злые люди.

Бесы подтолкнут человека на зло и сами же над ним смеются, ввергнув его в пропасть смертную. Прельщают они видениями, волхвованиями, особенно женщин, и разными кознями наводят людей на зло. А злой человек хуже самого беса: бесы хоть Бога боятся, а злой человек «ни Бога ся боит, ни человек ся стыдит». Но и у бесов есть своя слабость – умея внушить людям злые помыслы, они не знают мыслей человеческих, которые ведаёт только Бог, и потому, пуская свои лукавые стрелы наугад, часто промахиваются. Борьба обоих миров идет из-за человека. Куда, к какому концу направляется житейский водоворот, производимый борьбой, и как в нем держаться человеку – вот главный предмет внимания для летописца. Жизнь дает человеку указания, предостерегающие и вразумляющие; надобно только уметь замечать и понимать их.

Главная святыня Киево-Печерской лавры – чудотворная икона Успения Божией Матери

Летописец описывает нашествия поганых на Русскую землю, беды, какие она терпит от них. Зачем попускает Бог неверным торжествовать над христианами? Не думай, что Бог любит первых больше, чем последних: нет, Он попускает поганым торжествовать над нами не потому, что их любит, а потому, что нас милует и хочет сделать достойными Своей милости, чтобы мы, вразумленные несчастиями, покинули путь нечестия. Поганые – это батог, которым Провидение исправляет детей своих. «Бог бо казнит рабы Своя напастями различными, огнем и водою и ратью и иными раз-

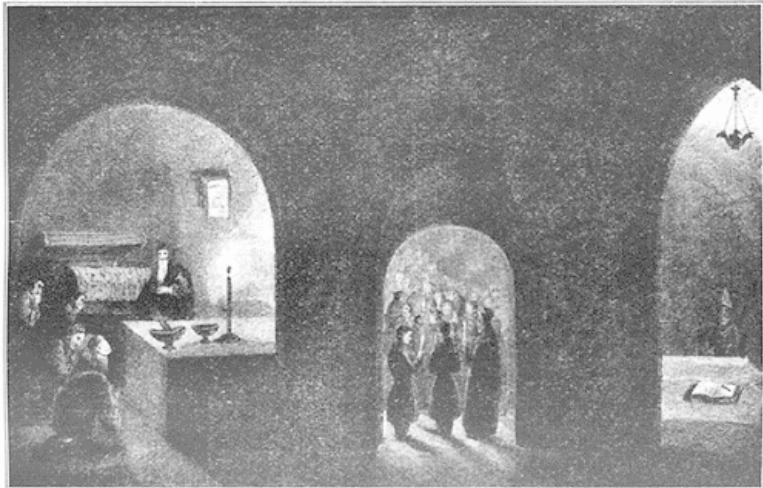
личными казнями; хрестьянину бо многими напастыи вни-ти в Царство Небесное».

Так историческая жизнь служит нравственно-религиозной школой, в которой человек должен научиться познавать пути Провидения. Горе ему, если он разойдется с этими путями. Игорь и Всеволод Святославичи, побив половцев, мечтают о славе, какая ждет их, когда они прогонят поганых к самому морю, куда еще не ходили деда наши, а возьмем до конца свою славу и честь. Говорили они так, «не ведая Божия строения», предназначившего им поражение и плен. Все провозвещает эти пути, не только исторические события, но и физические явления, особенно необычайные знамения небесные. Отсюда напряженный интерес летописца к явлениям природы. В этом отношении его программа даже шире, чем у современного историка. У него природа прямо вовлечена в историю, является не источником стихийных, часто роковых влияний, то возбуждающих, то угнетающих дух человека, даже не просто немой обстановкой человеческой жизни. Она сама – живое, действующее лицо истории, живет вместе с человеком, радуется ему, знамениями вещает ему волю Божию. У летописца есть целое учение о знамениях небесных и земных и об их отношении к делам человеческим. Знамения бывают либо к добру, либо ко злу. Землетрясения, затмения, необычайные звезды, наводнения – все такие редкие, знаменательные явления не на добро бывают, проявляют либо рать, усобицу, голод, мор, либо чью смерть.

Согрешит какая-либо земля – Бог казнит ее голодом, нашепствием поганых, зноем либо иной какой казнью.

Так летописец является моралистом, который видит в жизни человеческой борьбу двух начал, добра и зла, Провидения и дьявола, а человека считает лишь педагогическим материалом, который Провидение воспитывает, направляя его к высоким целям, ему предначертанным. Добро и зло, внешние и внутренние бедствия, самые знамения небесные – все в руках Провидения служит воспитательным средством для человека, пригодным материалом для строения Божия, мирового нравственного порядка, создаваемого Провидением. Летописец более всего рассказывает о политических событиях и международных отношениях; но взгляд его по существу своему – церковно-исторический. Его мысль сосредоточена не на природе действующих в истории сил, известной ему из других источников, а на образе их действий по отношению к человеку и на уроках, какие человек должен извлекать для себя из этого образа действий. Эта дидактическая задача летописания и сообщает спокойствие и ясность рассказу летописца, гармонию и твердость его суждениям.

В пещерах Киево-Печерской лавры.

Из книги «Картины России» П. Свинына, издания 1839 года